

и черноногие¹. Он выписал в Марсель свою жену и детей. Он любил Францию, своих товарищей — докеров и матросов-французов, ненавидел каидов и черноногих.

Круг радостей старого докера-алжирца был невелик: семья, «шимма» — нюхательный табак — да еще кино.

Когда Шайба нюхал свою «шимму», его глаза за завесой ресниц сияли от удовольствия.

О кино он любил рассказывать очень подробно. Каждое воскресенье он с женой и детьми отправлялся смотреть новую картину. Они посещали всегда один и тот же захудалый кинотеатр на улице Доминиканцев. Там показывали фильмы, дублированные на арабском языке. Потом семья возвращалась в свою убогую комнатушку...

Так проходило его воскресенье. А по будням — порт, трюм парохода, грузы... Мы работали рядом. Он был, казалось, неуютим. Бывало, грузит две смены подряд: нужно платить за жилье, нужно послать деньги старикам в Алжир...

В то утро мы тоже отработали две смены — день и ночь. Закончили срочную разгрузку к шести часам утра. Из порта возвращались вдвоем: один докер-европеец, Шайба и я. Устали, но настроение было хорошее. Когда проходили мимо контрольного поста на улице Кольбер, нас остановили полицейские-велосипедисты. Стали проверять наши документы. Все было в порядке, но они почему-то задержали Шайбу.

Три дня он просидел под арестом в полицейском участке. За что? Почему? Никто ничего не объяснял.

Потом Шайба вернулся на работу. Но не проходило недели, чтобы его не вызывали в полицию. Эти вызовы изводили его, трепали ему нервы. Он перестал смеяться и шутить. Кончились его рассказы о фильмах. Воскресные посещения кино прекратились...

Потом я уехал в Сенегал и потерял из виду своего замечательного напарника. На днях разворачиваю марсельскую газету и читаю: Шайба был задержан в связях с алжирскими «мятежниками». Его арестовали, выслали из Франции, бросили в концентрационный лагерь. «При попытке к бегству с оружием в руках», — сообщила газета колонизаторов, — опасный террорист Шайба был убит».

Когда мы с Шайбой работали в марсельском порту, алжирская война шла уже шестой год. Он никогда не говорил мне, как относится к этой войне. Но я понимал, что у него были все основания ненавидеть каидов и черноногих. Шайба не был «опасным террористом». Мы его знали: это был человек труда. Он любил Алжир — свою родину, любил свою жену, детей, стариков, оставшихся в деревне... У Шайбы были свои слабости: кино на улице Доминиканцев, понюшка «шиммы»... Но он никогда не терял себя, не терял чувства человеческого достоинства, не продавался, а зарабатывал свой хлеб тяжелым трудом.

...Лицо моего друга было, как земля нашей Африки под первыми лучами восходящего солнца, солнца свободы на заре новой жизни.

Перевел с французского
С. Волк

¹ Каиды — мелкие чиновники, сборщики налогов, набранные колониальной администрацией из алжирцев. Черноногими в Алжире называют реакционно настроенную белую молодежь, новое поколение европейских колонистов, родившееся в Алжире. Они пополняют ряды расистских террористических организаций ультра (Прим. автора).

«Вайянг-пурво»

принадлежит

народу

Н. МИТРОФАНОВ

В ОБШИРНОЙ сокровищнице национальной культуры Индонезии особое место занимает глубоко национальное искусство теневого театра, называемое у индонезийцев «вайянг-кулит» (буквально «кожаные тени») или «вайянг-пурво» («тени прошлого»).

Это искусство, нашедшее широкое распространение у яванцев и балийцев — двух национальностей, родственных по происхождению и типу культуры, но различных по религии, представляет собой интереснейший памятник богатейшей древней культуры Индонезии, дает неисчерпаемый материал для изучения фольклора, истории, быта, философии и психологического склада ее народа.

В своей работе «Вайянг-пурво», его происхождение и развитие», вышедшей в 1961 году в Джакарте, один из руководителей Компартии Индонезии Сакирман подчеркивает, что «вайянг-пурво» в его чистой форме представляет собой отражение духовной жизни индонезийского народа.

Каково происхождение «вайянг-пурво»? Само слово «вайянг» (тень) показывает связь этого искусства с древними поверьями, с религией прошлых времен. Стремление войти в контакт с душами умерших предков привело у индонезийцев к созданию первых фигурок «вайянга». Таким образом, на раннем этапе своего развития «вайянг-пурво» был несомненно связан с религией, с культом почитания предков.

В ходе мистерий был необходим жрец-посредник, медиум между миром живых и миром мертвых. Отсюда появляется даланг — (кукловод) «вайянг-пурво».

Как выглядит представление индонезийского театра теней в его современном виде? На двух стойках укрепляется белый холст. По одну сторону его садятся зрители, по другую — даланг со своим реквизитом и оркестром. Над головой даланга — лампа, ярко освещающая экран (представление начинается ночью, в темноте), слева — сундук со сделанными из кожи фигурками, каждая из которых насажена на роговую палочку. Острием своим палочки вставляются в банановые стволы, лежащие у ног сидящего по-турецки даланга. Насаженные на палочки фигурки отбрасывают на экран тень. Один из банановых стволов помещен чуть выше другого и предназначен для тех фигурок, которые изображают главных героев пьесы. Позади даланга полукругом располагается «гамелан» (оркестр), состоящий почти целиком из ударных инструментов.

Даланг передвигает фигурки, произносит текст за всех героев пьесы, в нужные моменты стучит

ногой по висающим на сундуке металлическим пластинкам, имитируя шум битвы, гром и т. д. Он и режиссер, и актер, и художественный руководитель, и «шумовик» одновременно. Уж где, где, а в театре «вайянг-пурво» штаты не раздуты!

Насколько трудна работа даланга, можно представить себе, если учесть, что в иных пьесах десятки только основных персонажей, не считая второстепенных. Представление зачастую длится всю ночь до рассвета, в течение восьми-девяти часов.

Фигурки «вайянг-пурво», или, как их называют, рингиты, изготавливаются из прочной, но эластичной буйволовой кожи. Выделка рингитов — дело сложное, требующее не только большого технического мастерства, но и художественного вкуса, глубокого понимания традиций и специфики «вайянг-пурво». Рингиты тщательно разрисовываются красками. Хорошая фигурка, выполненная известным мастером, стоит немалых денег.

Может возникнуть вопрос, зачем мастера раскрашивают рингиты. Дело в том, что кое-где сохраняется обычай смотреть представление «вайянг-пурво» с обратной стороны, сидя за спиной даланга. Это место имеют право занимать только мужчины, и поэтому некоторые ученые склонны усматривать здесь остатки древних таинств «мужского посвящения», на которых женщинам строго запрещалось присутствовать.

Каждый персонаж «вайянг-пурво» имеет свой традиционный облик, свойственный только ему одному. Это находит отражение и в форме фигурки, и в ее раскраске. У положительных героев — миндалевидные глаза, изящные очертания лиц, у злодеев и чудовищ — огромные носы и глаза навывкате. Нельзя сказать, что лица фигурок выполнены в духе реализма. Здесь, очевидно, сказывается влияние ислама, запрещающего, как известно, изображать облик человека. Характерно, что на Бали, где ислам не получил распространения, лица рингитов более реалистичны, больше походят на человеческие. На Бали до наших дней сохраняется древняя религия индонезийцев, соединяющая в себе черты как индуизма, так и буддизма.

Текст пьес даланг произносит по-явански (или по-балийски на Бали) и в иных случаях даже не на современном, а на классическом языке, употребляемом ныне лишь в стихах и священных книгах. Это — традиция, нарушить которую, по-видимому, не менее сложно, чем, скажем, заставить мусульман молиться не по-арабски. Основным сюжетом пьес служит вечная тема борьбы добра и зла, добрых богов с демонами, героев со злыми великанами. С течением времени «вайянг-пурво» утратил узко религиозный характер, что несомненно связано с вытеснением исламом прежних религиозных верований, оказывавших самое непосредственное влияние на содержание пьес. Однако в них сохраняются те же герои, те же персонажи, что и сотни лет назад. Сюжеты пьес связаны с древнеиндийскими эпосами «Рамаяна» и «Махабхарата», ставшими широко известными и популярными в Индонезии со времени проникновения индийского культурного влияния и индуистской религии (конец I тысячелетия нашей эры). На новой почве эти сюжеты претерпели значительные изменения.

Из «вайянг-пурво» развились и некоторые другие виды театральных представлений, где экран не употребляется. Здесь надо назвать «вайянг-вонг» или «вайянг-оранг», где все роли исполняют люди. У сунданцев на Западной Яве получил развитие «вайянг-голек» с объемными куклами, в основном рассказывающий о мусульманских героях. Кое-где встре-

чается «вайянг-кручил» с плоскими деревянными куклами и «вайянг-бебер», где куклы вообще отсутствуют: даланг постепенно развертывает длинный свиток с рисунками, изображающими развитие сюжета. В годы героической борьбы индонезийского народа против голландских колонизаторов распространился «вайянг-сулух». Это — модернизированный «вайянг-пурво» с более современными формами фигурок, с более реалистичной и менее условной манерой игры. Пьесы «вайянг-сулух» посвящены борьбе народа с угнетателями, его герои вместо традиционных кинжалов-крисов зачастую носят пояса с патронами. В последние годы развился «вайянг-панчасила», в художественной форме иллюстрирующий борьбу индонезийского народа за развитие демократии, за укрепление национальной независимости своей страны.

Прогрессивные силы Индонезии, организации народной культуры уделяют «вайянг-пурво» немалое внимание. Сакирман в упомянутой выше работе подчеркивает, что «вайянг-пурво» из «провинциального» искусства яванцев и балийцев должен стать подлинно общенародным театром, понятным и доступным для всех населяющих Индонезию национальностей. Большое значение имеет создание таких пьес, которые, сохраняя классические формы «вайянг-пурво», одновременно носили бы демократический и революционный характер.

В последние годы развитие «вайянг-пурво» получает все больший размах. Пьесы театра теней регулярно помещаются на страницах центральных газет, в первую очередь на страницах органа Компартии Индонезии «Хариан Ракьят». Создаются новые группы любителей этого древнего искусства, в которое вливается новая жизнь.

ТАМИЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ (ИНДИЯ)

Даже слон может оступиться.

*

Кто сегодня сорвал листок, завтра срубит дерево.

*

Для муравья кокосовый орех — гора.

ПОСЛОВИЦЫ ЗУЛУ (ЮЖНАЯ АФРИКА)

Даже если петух не прокричит — солнце взойдет.

*

Легче разбить врага в поле, чем выгнать из своего дома.

*

Нет такой дороги, которая не вела бы к жилью.

ЭФИОПСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Не верь тому, кто говорит: мед горек, а молоко — черное.

*

Не давай нож безумному.